ОБРАЗ ЖИЗНИ — СОВЕТСКИЙ

ЕСТЬ В ЕМЕЦКЕ СЕМЬЯ

Воевала Вторая Гвардейская под Сталинградом

[Продолжение. Начало читайте в газете за 20 сентября]

За морем тихо заря
догорает,
Тихий румяный закат.
А на руках у сестры умирает
Юный братишка-моряк.
В белом халате,
забрызганном кровью,
Тихо сестра подошла.
Взгляд ее нежный светился
любовью —
В нем она брата нашла...

— высокий красивый голос Александры Андреевны Зажигиной выводит мелодию, а глаза, полные слез, словно видят те далекие военные годы, откуда пришла эта песня. Но все по порядку...

Жили в Воронежской области брат и сестра Павловы. Бедовой росла Шура, заводилой всех дел дворовой компании. Мать — труженица простая, отец председательствовал в колхозе. Затем его послали прорабом на стройки Москвы — трудился на строительстве метрополитена. Дружно жила семья, песенно.

Война застала девушку в Москве, когда она была у отца. Он сразу ушел на войну, а дочь решила во что бы то ни стало вернуться домой. Восемьсот километров дорог...

— Народу шло много,— вспоминает Александра Андреевна,— возвращались пешком, потому что все поезда были мобилизованы войной. Не думали тогда, что фашист до домов наших доберется.

По дороге все взятое с собой променяла, проела. Дошла. Первого сентября, как обычно, пошли в школу, в девятый класс. Но недолго пришлось учиться. Враг подходил все ближе и ближе. Вот уже в тридцати километрах идут бои. Школу закрыли. Педагоги во главе с директором, будущим Героем Советского Союза Г. Н. Бубенчиковым, ушли на фронт. Никто из ребят тоже не хотел оставаться в стороне. Только кто их возьмет в неполных восемнадцать лет? Решили пойти в госпиталь. И вот в декабре 1942 года, подучившись три месяца на санинструкторов, молодые девчата сели в теплушки и поехали на фронт.

Восемьдесят девчонок прибыло под Сталинград. Зима, стужа. Для того, чтобы помогать вытаскивать раненых с поля боя, на каждых двух сандружинниц выделили по собаке. Научили как управлять упряжкой, прилаживать волокушу. И в бой, в самое пекло.

Бои шли круглосуточно. Земля, снег, кровь — краски той битвы. Непроходящие вой и гул. Менялись каждые два часа. Пробежка, остановка, опять ползком — туда, к раненым. Зубы стиснут — и вперед. За первые три месяца восемь сандружинниц вынесли с поля боя 163 бойца. Но в бою еще не так страшно было. Вот когда раненых в медпункт привозили.. Чего только не насмотрелась она.

Доктор, о доктор,
спасите, спасите,
Ведь это единственный брат.
Голос услыша родной и
знакомый,
Зашевелился солдат...
—Тише, сестренка, не надо
рыданий.
Тише, не нужно рыдать
Нас еще много, нас целые
тыщи
И каждый готов защищать...

Эту песню сочинил для девчат-медиков один из солдат. Играл он на скрипке, а они пели. Каждое слово стало для бойцов отдельного санитарного батальона клятвой. Клятвой отомстить за погибших и изувеченных, клятвой освобождения Родины. Уже после войны эта песня помогла перенести ефрейтору Павловой все трудности и невзгоды.

— Молодежь тогда действительно на подвиг шла,— вспоминает Александра Андреевна,— ничего не боялась. Одни гибли — другие становились на их место. У меня только ярость была, злоба на этих зверей и... желание увидеть маму.

Но и в той тяжелейшей обстановке выбирали девчата минуту, чтобы показать концерт, потанцевать. Молодость брала свое.

Прошел бой, убитых похоронили, раненых доставили в медпункт и шли выступать. Потому что надо было дух боевой поддерживать у бойцов. Соберутся в землянке. Тесно, коптилки горят, а чистые высокие голоса рвутся из помещения: «Мы не дрогнем в бою...».

Прошел концерт и снова — бои. Непрерывные, страшные. Сколько людей молодых и здоровых полегло там... Она видела все, в том числе и капитуляцию гитлеровцев во главе с Паулюсом.

Только однажды не выдержали нервы у Шуры. Шла она вместе со своей школьной подругой Людой. Та впереди с собакой, а она сзади. Шли, разговаривали. И вдруг взрыв. Когда опомнилась — впереди никого не было, только голова Людмилина подкатилась к ногам. И Шура вдруг до жути ясно поняла: нет ее. Нет никого и ничего. Земля и небо завертелись перед глазами, поплыли и закачались в каком-то странном танце. Как попала она в госпиталь — не помнит. Что происходило затем в следующие три месяца — тоже. Едва приходило сознание, она снова вспоминала подругу и опять уходила в небытие. С большим трудом врачи вернули ее к жизни. А виной всему была противотанковая мина, разорвавшая на куски молодого санинструктора...

После госпиталя упросила, чтобы снова направили ее на фронт. В этом же сорок втором году вступила в ряды Ленинского Союза Молодежи.

Остальные годы до победного сорок пятого воевала в зенитном полку артиллерийского дивизиона прибористкой. Их задачей было: подавать точные данные для зениток. Приходилось делать все, порой сами подносили снаряды. А легко ли это девчонкам? Гибли от вражеских снарядов, от взрывной волны. А перевоз орудий — разве учтешь ту силу, которую отдали они, совсем еще девчонки?

А страшнее всего было стоять на посту.

— Ночь. Вслушиваешься в каждый шорох,— вспоминает Александра Андреевна,— Я была «оторви-башка» — так и звали, потому что уже не думала о себе. Единственное, о чем просил старшина: «Павлова, только не пой песен на посту». Хорошо, вслух не буду. А про себя и «Катюшу», и «Интернационал» пою.

Война двигалась на Запад. Откатываясь, враг оставлял сожженные города и деревни, открывались злодеяния фашистов. Однажды в одной из деревушек в Прибалтике, в доме бывшего штаба фашистов нашли женщину, всю исколотую штыками. В бессильной злобе фашисты пригвоздили ее к полу. Это была советский врач, которая по рассказам местных жителей спасла многих красноармейцев. И такие случаи повторялись неоднократно.

Стремительным наступлением советские войска освобождали страны Западной Европы. Вот и Чехословакия. Здесь встретила победу. Ночью прибегают девчата-радисты, победа — кричат, война кончилась! Что тут началось! Настоящий салют из автоматов устроили. Кто в пляс пустился, кто сидит и плачет. Чехи, словаки, русские — все как братья.

А в сентябре — домой. Когда демобилизовали — сводный оркестр провожал. Музыка за сердце берет, душа переполняется светом. Обмундирование все новое выдали.

— В спешке, наверное, с радости, что домой еду,— говорит Александра Андреевна,— не заметила какие сапоги надела. А оказалось — один 35-го, а другой — 43-го размера. Смеялись до слез.

И опять теплушки. Только теперь — на каждой остановке митинги, цветы, музыка, крики «Ура!». А города, станции все стояли разрушенные — страшно посмотреть. Сколько же предстояло еще работы переделать...

Дома застала она больную мать, покосившийся дом. Полная разруха. От отца — ни единой вести. А вот брат жив. Здесь же узнала, что из 34 одноклассников, ушедших в бой, осталось только четверо. Таков счет войны, от которого холод пробирает.

В 1948 году вернулся отец. Пришел весь израненный, а спустя год умер. Пошла Шура в райком комсомола и попросила: пошлите туда, где сейчас нужнее мои руки. Направили ее в Архангельск, а оттуда — на лесопункт Кодыш заготовлять древесину. В этом же году встретилась она с Феодосием Георгиевичем и расписались они. Родился первый сын. Жили в Емецке. Она заочно окончила библиотечный техникум и стала работать библиотекарем.

Как они жили — разговор особый. Но пять детей внимания и сил немалых требовали. Вскоре взяла к себе старенькую маму. Буквально вырвала из смерти брата любимого Алексея Андреевича, который много лет работал шахтером.

— Ты у меня один и я у тебя одна. Нельзя нам жить порознь,— сказала. За[illegible] переехала и вся его сем[illegible] Вместе петь любили, ж[illegible] душа в душу. Едва не оп[illegible] тила руки, когда умер [illegible] родной до боли человек[illegible]

Помимо основной св[illegible] работы несла обществен[illegible] нагрузку.

— Но не нагрузкой [illegible] было, а делом души,— у[illegible] бается Александра Анд[illegible] евна.

Организовала она в [illegible] ревне Сухарево хор, да[illegible] кой, о котором до сих [illegible] помнят местные жители. [illegible] рок человек выступали [illegible] ред народом. Бывало, ж[illegible] щины под утро прие[illegible] с концерта, сразу идут [illegible] ферму, а вечером опять [illegible] петиция. Баянист был [illegible] менный — Григорий Ме[illegible] нов, знатными певуньям[illegible] Надежда Федова, Антон[illegible] Стрежнева, Екатерина И[illegible] нова. Во всех окрестных [illegible] зяйствах выступали са[illegible] деятельные артисты. И [illegible] одосий Георгиевич вме[illegible] ездил, помогал жене.

Спорились и труд и в[illegible] питание детей в семье [illegible] жигиных. Приняли Алекс[illegible] дру Андреевну в чле[illegible] Коммунистической пар[illegible] За свой добросовест[illegible] труд, организацию раб[illegible] библиотек в деревнях, б[illegible] она избрана делегатом п[illegible] вого областного съезда [illegible] ботников культуры.

А затем потому, что м[illegible] совсем больная стала, д[illegible] требовали большего вни[illegible] ния, перешла она на раб[illegible] в больницу. Десять лет [illegible] работала медсестрой. И [illegible] одного нарекания от м[illegible] персонала, больных.

Вскоре дали знать о с[illegible] переживания, война. О[illegible] рации, болезни. Чуть пе[illegible] валило за пятьдесят [illegible] уже вторая группа инвал[illegible] ности. Но не поддается [illegible] невзгодам.

— Не должны они м[illegible] победить — говорит уп[illegible] мо Александра Андреев[illegible] Режим, постоянное доб[illegible] настроение — вот лека[illegible] во от всех болезней. И [illegible] сейчас догадается о т[illegible] что она перенесла по[illegible] невозможное?

— Не люблю слез на [illegible] дях,— говорит она, — [illegible] они у меня глубоко в се[illegible] це. И память о каждом [illegible] встреченных мною люд[illegible] память о Люде, маме, от[illegible] брате — в сердце мо[illegible] Это моя рана, моя бо[illegible] мои слезы...

АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА

О. ПРЯЛУХИН

(Окончание следует)

Награждена медалью За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина